

УДК 342; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-230-237

Парадоксальная идеология народничества в правовой культуре русского интеллигента

¹ Римский А.В., ² Исмагилова М.М.

¹ Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
308024, Россия, Белгород, ул. Горького, 71

² Культурно-спортивный центр (филиал ООО Газпром трансгаз Чайковский)
617762, Россия, Пермский край, г. Чайковский, ул. Советская, 49
E-mail: alex.rimskiy@yandex.ru; masha.stepkina.2012@mail.ru

Аннотация. Идеология народничества имеет историческое и актуальное значение в развитии правосознания и правовой культуры российского общества. Авторами выявлены парадоксы не только прошлого, но и настоящего: дореволюционная русская интеллигенция мнила себя носителем культурной и исторической миссии в «деле спасения народа» как органической общности от произвола самодержавия. Современная самозванная либеральная интеллигенция также возомнила себя воплощением «всего светлого и прогрессивного» в отличие от ретроградной власти. Всё это несёт в себе «родимые пятна» парадоксализма народнической идеологии, её «веры в народ» и одновременно удалённость и чуждость этому народу, что воплощалось в литературоцентризме отечественной интеллигенции, рассмотрении реальности сквозь призму дискурсивных нарративов, создающих эту парадоксальную идеологию народничества, которая в превращённых формах жива и в актуальной современности. Всё это накладывало и до сих пор определяет специфику отечественной правовой культуры, в которой преобладают архетипы цивилизационного российского традиционализма, консервативного и метаконституционного, опирающегося на духовно-нравственные идеалы, не на конвенциональные правовые нормы. В работе показано, что осознание и теоретическое осмысление парадоксальности идеологии народничества, влияющей до сих пор на практики правовой культуры, поможет избежать «эксцессов экстремизма» в современной российской политике и культуре.

Ключевые слова: народничество, идеология, правовая культура, революционный активизм, бунтарство, экстремизм, разночинская интеллигенция, литературоцентризм

Для цитирования: Римский А.В., Исмагилова М.М. 2022. Парадоксальная идеология народничества в правовой культуре русского интеллигента. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(2): 230–237. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-230-237

The Paradoxical Ideology of Narodnichestvo in the Legal Culture of the Russian Intellectuals

¹Aleksey V. Rimsky, ²Maria M. Ismagilova

¹ Belgorod Law Institute I.D. Putilin Institute of Law of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation.
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russia

² Cultural and Sports Center (branch of ООО Gazprom transgaz Tchaikovsky)
49 Sovetskaya St, Tchaikovsky, Perm Region 617762, Russia
E-mail: alex.rimskiy@yandex.ru; masha.stepkina.2012@mail.ru

Abstract. The ideology of Narodnichestvo has historical and topical significance in the development of legal consciousness and legal culture of Russian society. It reveals the paradoxes of both past and present:

Russian intelligentsia embodied the cultural and historical mission in relation to the people as an organic community. In the formation of legal culture with obvious manifestation of the paradox between faith in the people and literary-centrism, containing the idea of returning to the pre-Christian principles of original life, which was a consequence of an era of secularization and not continuity of constitutionalism and conservatism development of Russia.

Keywords: Narodnichestvo, ideology, legal culture, revolutionary activism, rebelliousness, extremism, raznochin intelligentsia, literary-centrism

For citation: Kostin V.E. 2022. The Paradoxical Ideology of Narodnichestvo in the Legal Culture of the Russian Intellectuals. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 230–237 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-230-237

Русский интеллигент как культурно-антропологический тип интересен тем, что в истории России рождение интеллигенции ознаменовалось переходом к началу модернизации, но парадокс генезиса состоит в том, что интеллигент – и это стало общим утверждением – являлся носителем социальной и культурной миссии, которая выражалась в социальном и нравственном долге, совестливости, сострадании к народу, просвещении масс и при этом, как писал И. Берлин, по историческим причинам отчетливо проявлялось расхождение между благими намерениями и реальностью народной жизни [Берлин, 2001, с. 34]. Оценивая феномен русской интеллигенции, как правило, подчеркивают, что вышеописанное явление было бы невозможно, оно не состоялось бы вне контекста петровских реформ.

Воспринимая Петра Великого как противоречивую фигуру российской истории и российской государственности, Патриарх Кирилл сказал, что Петр был русским человеком, его вклад в развитие России несомненен, и он является фигурой исторического масштаба. Но при Петре начался процесс секуляризации общественной жизни, следование западным поведенческим и ментальным образцам. И русская интеллигенция, воспитанная в духе Гегеля, Руссо и Гердера, ориентировалась на «богоборческую» установку, ставило целью, отклоняя казенную церковь, внести в народные массы понимание освобождающих человека смыслов.

Для русской интеллигенции, которая из малочисленного класса образованных людей начала XIX века превратилось в массовый разночинский слой, интеллектуальный «пролетариат», официальное православие являлось не символом христианского смирения, а оправданием «мерзости» русской жизни, рабства русского крестьянина, символом презрения правящей элиты народу. Идеология народничества, представленная в работах кумиров разночинцев В. Белинского, Н. Писарева, Н. Чернышевского, может быть охарактеризована как утопический социализм, но в отличие от известных взглядов Сен-Симона и Фурье основывалась на культе народолюбия, вины перед народом и воздаяния народу «исторической справедливости». Как писал исследователь русской культуры Ю.М. Лотман, парадокс интеллигентского сознания являлся следствием литературоцентризма [Лотман, 2007, с. 98]. Парадоксальность мысли признанного авторитета в понимании русской культуры заключается в том, что народники возродили дохристианские формы жизнедеятельности в качестве узаконенного *антиповедения*. Действительно, народничество мыслило и действовало по схеме *воображаемого* народа (виртуального и в историческом смысле – как *должного*, и в современном – как *воображаемого*, мнимого). Отклоняя религиозность, – плод суеверий, насаждаемых властью, – и выражая мечту о новом свободном человеке, Н. Чернышевский считал, что, прежде чем стать свободным, русский крестьянин должен обратиться к «топору», другими словами, отвергая «икону», быть призванным к бунту [Белингтон, 2001, с. 62].

Разумеется, мы не обязаны некритически принимать аргументы зарубежных историков инакомыслия: если в них что-то и содержится в качестве достаточно обоснованного вывода, так это факт того, что русская интеллигенция, являясь плодом модернизации России, воплотила противоречия русской общественной жизни, а в поисках органичности народного бытия и в обращении к народу как носителю правды народничество совершило выбор своеобразного *антиповедения*, – того, что Ф. Достоевский назвал «идеологией бесов». В этом выражении русского писателя отражены его долгие духовные искания и мыслительные поиски, в которых он выступает не просто в качестве обличителя революционных «возмутителей» (если бы это было так, то чем Достоевский выделялся бы среди апологетов самодержавия?). Достоевский, прошедший тяжелый путь самоочищения, выдвинул концептуальное (и образное, и рациональное) свидетельство о глубоком духовном кризисе, нашедшем воплощение в правовой культуре, исповедуемой народничеством.

Теперь надо сказать несколько слов о литературоцентризме народников. Это не было их грехом в контексте секуляризации русского общества, так как все образованные слои России испытали влияние не только французской литературы, но и всей западной философии. Парадокс выходит на поверхность тогда, когда в качестве почти единственной точки духовной опоры выступает литература. Ведь если сравнивать с французской великой классической литературой, воплощённой в произведениях О. Бальзака, Г. де Мопасана, В. Гюго, где дается анализ типу обывателя, мещанина, личности законопослушной с характеристиками добродетели, разъедаемой язвами капитализма, можно увидеть многие родовые идеи русского народничества.

Вот в этой идеологии и проявляется своеобразный «антикапитализм» народников, когда они, действуя почти по известной формуле марксизма, видели в правовой культуре лишь отражение господствующих идей правящего класса, оправдание эксплуатации и отчуждения человека.

Но было бы не точно называть народников «предмарксистами» или «квазимарксистами». Они настаивали, а точнее были уверены в духе русской общности, в силе права как неписанной нормы органической жизни народа по формуле «справедливости и правды» [Хостинг, 2000, с. 295]. Дж. Хаски ссылается на воззрение А. Герцена и М. Бакунина, близких по контактам к западной «прогрессивной» интеллигенции, и отмечает удивительную деталь, которая могла бы остаться не замеченной. Народники не были сторонниками М. Бакунина, не могли безоговорочно разделять его революционный социализм, но в большей степени для них был характерен дух сомнения А. Герцена, «колеблющегося мудреца».

Буржуа невозможно любить как класс, сострадание заслуживает конкретная личность, страдающая комплексом Растиньяка, «живой человек» из русского народа, и в этом смысле народники были субъективистами, оценивали высоко роль личности в истории, парадоксально обожествляли народ и относились к нему как к пастырю и в этом смысле страдали специфическим духовным нарциссизмом. Казалось бы, «хождение в народ» показало отсутствие революционной энергии, сотрудничества народа и «живого человека» с властью, но, как следствие, правовые воззрения народников не стали при этом либеральными. И для них недопустимой была мысль о компромиссе с самодержавной властью, так как они полагали, что «Карфаген должен быть разрушен», поэтому их активность не распространялась на выработку правовых альтернатив, того, что можно описать как «дело свободы». Как «парадоксальный человек», народник жаждал глубоких и коренных изменений и по своим убеждениям и предпочтениям принимал политический радикализм и экстремизм, отвергающий правовую лояльность «живого человека» [Тощенко, 2001, с. 308].

Речь идет не только о вероподданничестве русского человека: актуальна мысль о том, что идеология народничества как *образец негативной идентичности* основывалась на понятии *правовой воли*, в мягком варианте – *правового нигилизма*, правовой «базоровщины», и эклектично сочетала элементы позитивизма, волюнтаризма и утопизма. При та-

ком воззрении проявлялась логика отрицания и переход к утверждению права, «справедливого для народа», представлялся сложным. История народничества свидетельствует о наличии *разрывов*, понимания уверенного прогресса в буржуазных реформах Александра II и, под воздействием страха потери революционного импульса, *возможности* выхода на политику террора.

Но не будем заниматься сведением идеологии народничества к позиции маргинальной группы: разночинская среда, породившая народников, была неоднородная и те, кто придерживался концепции «малых дел», отстаивал постепенность в освобождении народа, не могут быть обвинены в пошиблизме, философии «многообразия возможных и свободных выборов человека». Это было бы упрощенной схемой деления на «героев» и «обывателей». Как пишет российский исследователь М. Трудолюбов, в России отношение к власти, к собственности и частному пространству не может быть интерпретировано только как следствие коллективизации и индустриализации [Трудолюбов, 2015, с. 29]. Россия являлась страной не догоняющей модернизации, а модернизации «странным образом», то есть незащищенности прав. Так как народники испытывали разочарование в капитализме и буржуазии, возлагая надежду на общину, то действовала логика коллективизма, и при этом, что опять парадоксально, можно говорить о народниках как о русских индивидуалистах [Леонтьев, 2007, с. 25]. Критикуя отвратительность художественного манифеста Н. Чернышевского «Что делать», русский мыслитель объяснял, что принцип отвлеченного долга неизбежно вёл к отрицанию и морали, и права.

Народники дошли своей односторонней последовательностью в борьбе за освобождение народа до прямого отрицания права народа на правовое просвещение, на отношение к действительности на основании *здравого смысла*. В российском обществе, вероятно, поэтому не сформировался консенсус относительно базовых прав: русский конституционализм, который вроде бы выразился в формировании элементов парламентаризма, страдал «народничеством»: либеральные властители дум предреволюционного периода фактически были учениками народников. Отвергая радикализм большевистской партии и провозглашая опыт перерождения России, ее «домодернизации» до западных образцов, они, несмотря на блестящее юридическое образование, так и не усвоили, казалось бы, очевидную мысль о возможностях использования силы права: утрата авторитета интеллигенцией, как не парадоксально выглядит, определялась ее усилиями изменить сознание народа. Для народных масс важным был вопрос земли, ликвидации сословностей, но конституционные права являлись вожделенным объектом интеллигенции, с которой у народа, как и с властью, данные отношения не складывались. Интересный поворот интеллигенции к эйфории перемен не принимался народными массами, в основном крестьянством, по причине её отдаления от реальной несправедливости, и конфликт власти с интеллигенцией воспринимался многими в узкой провинции как «не наше дело».

Следует подчеркнуть, что крестьянство, которое и отождествлялось народниками с народом, так и продолжало нищать, испытывать периоды голода и непросвещенности. Казалось бы, это – реальная жизнь народа и «идеалы» интеллигенции – различные по своей природе явления, но их объединять – значит создавать из двух одно: синкретический парадокс идеологии «избы» и идеологии «банкетов» в «одном флаконе» (это до сих пор существует в нашей реальной культуре). Как пишет исследователь русской истории Ж. Соколофф, репрессии царизма были предчувствием катастрофы, непониманием и нежеланием воплотить принципы конституционализма, но внутри российского общества идиллические начала, вера в то, что судьба народа решается в университетах, предвосхищали только ужесточение политики самодержавия и сопротивления даже незначительным конституционным подвижкам [Соколофф, 2008, с. 133]. Преобразующий потенциал народничества практически к началу XX века исчез. Вероятно, будет натяжкой признать в эсерах и кадетях прямых последователей идеологии народничества (при том, что эсеры, казалось бы, воспроизводили путь народничества в политике террора и были искренне

озабочены земельным вопросом, но их позиция так и оставалась вне правового поля). Ж. Соколофф пишет о «новых народниках», но эта группа не является оригинальной по своим воззрениям, так как представляла интересы предпринимателей и ориентировалась на компромисс с государством на основаниях легального марксизма. Капитализм для них являлся естественным этапом развития России, и в этом смысле исчезал объект деятельности народных масс. Очевидно, что перспективным можно считать зачатие социальной политики, однако, в силу отсутствия профсоюзного движения, которое замещалось логикой революционной борьбы и отношением старых народников к рабочему классу как к депривированному, «обездоленному» бывшему крестьянину, правовая культура так и не получила обоснования в необходимости правового регулирования политических и социальных конфликтов.

Реально это означало, что в российском обществе не сложилась «современная», модернистская правовая культура, а право являлось пространством непримиримых политических конфликтов. И если самодержавие могло ссылаться на необразованность народа и исключение иной политики, кроме кнута, то правовое образование народников сыграло с ними злую шутку. С.А. Муромцев обосновал идею организованного правового порядка, который образуется всей совокупностью субъективных идей, «живым правом», в отличие от официального «мертвого права». Являлось ли это последствием влияния идеологии народничества? Следует отметить, что для С. Муромцева, как и для Н. Коркунова или П. Чичерина, право сформировалось как результат позитивизма, применения к праву принципа точности, изучения социальной динамики и социальной статистики. Таким образом, вместо идеологизированного понимания народа как органической общности с легитимацией дохристианских общинных форм русские правоведы ставили вопрос о вхождении права в различные сферы общественной жизни на условиях современной правовой культуры, либеральной, с принятием идеи «общего блага».

Дискуссия, которая развернулась в современной западной правовой мысли о соотношении коммунитаризма и либерализма свидетельствует о том, что правовая культура, содержащая принципы общего блага, социальной справедливости и социального равенства, является признанием гражданского статуса личности, запросом на организованное гражданское общество, и в этом есть правота взглядов Муромцева, но так и не установлены критерии справедливого общества, о котором думали и мечтали идеологи народничества [Современный негероизм, 1998, с. 137]. Мы можем убедиться в том, что всё же народники поставили вопрос о характере русской правовой культуры, принимая во внимание условность их объединения преимущественно по критерию отрицания консервативной революции, симфонизма властей и одновременно подозрительного отношения к буржуазному либерализму. Но они и преумножили проблемы, которые потом пытались решить большевики с приходом к власти в рамках возведения в абсолют формул «революционного права». Как мы видим, социалистический эксперимент нельзя назвать безоговорочно удачным, но, наверное, следует не забывать, что истоки большевизма есть и в идеологии народничества. По крайней мере, большевики в целях революционной целесообразности разделили народ на классы: крестьянство, вероятно, учитывая опыт неудачного хождения в народ, было объявлено классом, нуждающимся в авангардной роли пролетариата.

В этом смысле народничество являлось движением безвозвратно ушедшей эпохи. Как показывает история революционного террора, развязанного против «недобуржуазных» партий эсеров и меньшевиков, если кадетов, конституционалистов отправляли в эмиграцию, то с эсерами расправлялись жестоким образом. Крестьянство перестало быть народом: крестьянские восстания 20-х годов XX века были вызваны правовым беспределом, повышением базовых социальных и гражданских прав основных масс населения советской России. И, безусловно, идеализм народников, культ народолюбия стал риторической фигурой политической близорукости для идеологов новой власти. Выражение «сила

права» перестало существовать и, если попытаться систематизировать то, что можно охарактеризовать как правовую культуру современного российского общества, нам следует бережно относиться к наследию народничества. В условиях реального влияния групповой морали, частных правовых порядков, серых зон в правовом пространстве есть основание считать, что надо учитывать достижения народничества в отстаивании идей права «для народа» и «через народ» [Баранов, Шпак, 2004, с. 39].

Можно также говорить о том, что правовая культура общества нуждается в идеологии как системе ценностей, которые отражают специфику российской культурно-цивилизационной модели. Достоинство народников состояло в том, что они, «страдая» литературоцентризмом, являли собой слой российского общества с обостренным чувством гражданской совести и независимо от эволюции взглядов признавали формальные правовые институты при условии понимания безусловного характера правовых свобод. Дж. Хостинг писал, что социалистическое мессианство в принципе наследовало мессианство народников, и чувство общности прошло испытание разрушительной волной индивидуализма и рационализма [Хостинг, 2012, с. 29]. Но имеется и повод думать о том, что Россия становится страной сторонников «хорошего общества», общества, в котором следование правовым нормам является самым глубоким ценностным изменением [Федотова, 2005, с. 15]. Действительно, не настаивая на роли правовой культуры как универсального рецепта, логика повседневности вынуждает думать, что современный российский человек является рациональным типом личности и основная проблема состоит в правовой атаке общества, в укорененном чувстве безразличия к силе права. Если народники видели в настроениях крестьянства глубинные нравственные основания справедливости и общинность являлась основой правопорядка, а партии и профсоюзы рассматривались как выражение частных интересов, то вполне можно согласиться с В.Г. Федотовой, что современная реальность предполагает восстановление процедур права: российское государство является правовым и социальным, согласно Конституции РФ. Для того, чтобы право состоялось, есть необходимость в утверждении в обществе единства права и блага.

Народолюбие содержит абстрактное начало, как писал К. Леонтьев, благо народа мыслится вне его права на суверенность, на отстаивание диалога с властью, то есть на то, что по опыту народников нужно понимать как ценности государства, как гарантии права. Принципиальная противоречивость в идеологии народничества проистекает из спекулятивности обобщений, из того, что право не является, по выражению Гегеля, действительностью действительности, и понятие «душа народа» как образ литературного романтизма реально ведет к отрицанию повседневности, а это близко к утверждению: «браться за топор, чтобы народ переродился из инертной массы в бунтари» [Малинкович, 2008, с. 139]. В сущности, народничество принципиально дискредитировано, превратилось в пространство маргинальных смыслов только потому, что поставило перед собой красные линии. Признание за народом права быть безусловным моральным авторитетом по отношению к власти, хранить традицию общинности не может быть заменено правовым принуждением к соблюдению коллективных обязательств и отклонением либерализации общественной жизни на основе критерия негативного права.

В теории и истории российской идеологической мысли правовые проблемы всегда представлялись косвенными, зависимыми от морали, духовности, и народники не являются исключением. Но в чем нельзя им отказать, так это в акцентировании внимания на органичности народной жизни, на том, что чувства народа определяются традицией, что правовая культура в России обречена на *традиционность*, укрепление семьи, ценностной и властной иерархии по принципу авторитета поколений и опыту нравственности. Можно отметить интересную тенденцию, которая означала ожесточенность критики народничества со стороны российской правовой мысли в предреволюционный период. В работе «Из глубины» практически уничижалась русская интеллигенция, вернее, ее социальная и ис-

торическая мысль как класса опасных мечтателей (Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев). Несмотря на то, что дискуссия не вышла за пределы образованного большинства, неизбежным являлось предчувствие непонимания произошедших в обществе тектонических сдвигов в общественном сознании. Русское интеллигентское правосознание, как писал И.А. Ильин, было настроено против монархии и логически осознавало предпосылки революционного максимализма [Ильин, 1998, с. 93].

Заключение

Если не считать монархизм И.А. Ильина безоговорочно принятой позицией, то из анализа избранной темы можно сделать два кратких вывода. Во-первых, исторический урок идеологии народничества заключается в том, что российское общество является обществом, нуждающимся в логике собственных интересов, а не в служении абстрактному «общеевропейскому делу» и, во-вторых, в выстраивании правовой культуры и правового сознания как соответствующего коммунитарному культурно-антропологическому типу русского человека. В этом заключается трезвость, отказ от нигилистических и романтических представлений, понимание того, что Россия встроена в современное глобальное пространство, где господствует постмодернистский правовой дискурс, и к этому обстоятельству нужно прилагать усилия по защите *традиционалистских ценностей правовой культуры*, нацеленной на идею общего блага, совести и справедливости.

Данное положение не является абстрактно отвлеченным и основано на выработке правового дискурса, содержащего возможности объединения общественных и государственных институтов, в воспитании веры в силу права, способности правовых норм воздействовать на человека, чтобы побороть влечение как к первобытной дикости радикалов (от исламских террористов до украинских неонацистов), так и к правовому однополярному произволу («игра по правилам»), процветающему на современном Западе.

Список литературы

- Баранов П.П., Шпак А.В. 2004. Сила права: политико-институциональный анализ Ростов н/д: Рост. юрид. ин-т., 144 с.
- Белингтон Дж. 2001. Икона и топор. М., Рудомино, 879 с.
- Берлин И. 2001. История свободы. М., Новое литературное обозрение, 544 с.
- Ильин И.А. 1998. О грядущей России. Джордан Вилл, 366 с.
- Леонтьев К. 2000. Поздняя осень России. М., Аграр, 336 с.
- Лотман Ю.М. 2002. История и типология русской культуры. СПб., Искусство-СПб, 768 с.
- Малинкович В.В. 2008. Век вывихнут... Распалась связь времен. М., Международный институт гуманитарно-политических исследований, 352 с.
- Новая история интеллигенции. Общая и особенная. 2012. М., РГГУ, Центр Социолог, 408 с.
- Петражицкий Л.И. 1900. Очерки Философии права. СПб., 450 с.
- Русский индивидуализм. 2007. М., Алгоритм, 288 с.
- Современный либерализм. 1998. М., Дом интеллектуальной книги, 320 с.
- Современный негероизм. 1998. М., Прогресс-Традиция, 248 с.
- Соколофф Ж. Бедная держава. 2008. М., Издательский дом ГУ ВШЭ, 882 с.
- Тощенко Ж.Т. 2001. Парадоксальный человек. М., Гордарики, 398 с.
- Традиции и русская цивилизация. 2006. М., Астрель, 282 с.
- Трудолюбов М. 2015. Люди за забором. Власть, собственность и частное пространство в России. М., Новое издательство, 246 с.
- Хостинг Дж. 2012. Правители и жертвы. М., Новое литературное обозрение, 344 с.
- Хостинг Дж. 2000. Россия: народ и империя. Смоленск, Русич, 510 с.
- Федотова В.Г. 2005. Хорошее общество. М., Прогресс-Традиция, 544 с.

References

- Baranov P.P., Shpak A.V. 2004. Sila prava: politiko-institutsional'nyy analiz [Force of Law: Political and Institutional Analysis]. Rostov n/d, Publ. Rost. yurid. in-t., 144 p.
- Belington Dzh. 2001. Ikona i topor [Icon and axe]. M., Rudomino, 879 p.
- Berlin I. 2001. Istoriya svobody [The history of freedom]. Moscow, Publ. Novoye literaturnoye obozreniye, 544 p.
- Il'in I.A. 1998. O gryadushchey Rossii [About the coming Russia]. Dzhordan Vill, 366 p.
- Leont'yev K. 2000. Pozdnyaya osen' Rossii [Late autumn in Russia]. Moscow, Publ. Agrar, 336 p.
- Lotman Yu.M. 2002. History and typology of Russian culture. St. Petersburg: "Art-SPb", 768 p. (in Russian).
- Malinkovich V.V. 2008. Vek vyvikhnut... Raspalas' svyaz' vremen [The century will be dislocated... The connection of times has broken up]. Moscow, Publ. Mezhdunarodnyy institut gumanitarno-politicheskikh issledovaniy, 352 p.
- Novaya istoriya intelligentsii. Obshchaya i osobennaya. 2012. [New history of the intelligentsia. General and special]. Moscow, Publ. RGGU, Tsentr Sotsiolog, 408 p.
- Petrzhitskiy L.I. 1900. Essays on the Philosophy of Law. SPb., 450 p. (in Russian).
- Russkiy individualizm. 2007. [Russian individualism]. Moscow, Publ. Algoritm, 288 p.
- Sovremennyy negeroizm. 1998. [Modern non-heroism]. Moscow, Publ. Progress-Traditsiya, 248 p.
- Sokoloff J. Poor power. 2008. Moscow: State University Higher School of Economics Publishing House, 882 p. (in Russian).
- Toshchenko Zh.T. 2001. Paradoksal'nyy chelovek [Paradoxical Man]. Moscow, Publ. Gordariki, 398 p.
- Traditsii i russkaya tsivilizatsiya. 2006. [Traditions and Russian civilization]. Moscow, Publ. Astrel', 282 p.
- Trudolyubov M. 2015. Lyudi za zaborom. Vlast', sobstvennost' i chastnoye prostranstvo v Rossii [People behind the fence. Power, property and private space in Russia]. Moscow, Publ. Novoye izdatel'stvo, 246 p.
- Khosing Dzh. 2012. Praviteli i zhertvy [Rulers and victims]. Moscow, Publ. Novoye literaturnoye obozreniye, 344 p.
- Khosing Dzh. 2000. Rossiya: narod i imperiya [Russia: people and empire]. Smolensk, Publ. Rusich, 510 p.
- Fedotova V.G. 2005. Khorosheye obshchestvo [Good society]. Moscow, Publ. Progress-Traditsiya, 544 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.09.2021

Received September 16, 2021

Поступила после рецензирования 16.03.2022

Revised March 16, 2022

Принята к публикации 15.04.2022

Accepted April 4, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук, лейтенант полиции, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Aleksey V. Rimsky, Candidate of Philosophical Sciences, Police Lieutenant, Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia

Исмагилова Мария Михайловна, секретарь руководителя Культурно-спортивного центра (филиал ООО Газпром трансгаз Чайковский), Чайковский, Россия

Maria M. Ismagilova, Secretary of the Head of the Cultural and Sports Center (branch of Gazprom transgaz Tchaikovsky), Tchaikovsky, Russia